

НЕКРОЛОГЪ

Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой.

Въ воскресенье вечеромъ 28-го сентября скончался, на 59-мъ году жизни, графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой, въ своемъ черниговскомъ имѣннѣ, Красный Рогъ, близъ города Почепа; покойный родился въ Петербургѣ, 24-го августа 1817 года. Его образованность, обширныя и основательныя свѣдѣнія въ новѣйшихъ иностранныхъ литературахъ,—все это говоритъ въ пользу того домашняго воспитанія которое онъ получилъ въ домѣ своего дяди А. А. Перовскаго; оно оказалось достаточнымъ и для официальныхъ программъ того времени, такъ какъ юноша могъ приступить прямо къ окончательному университетскому экзамену, и выдержалъ его въ Москвѣ. Положеніе въ свѣтѣ и родственныя связи предназначили его къ дипломатической и придворной службѣ; во время крымской кампаніи онъ изъ церемоніймейстеровъ перешелъ майоромъ въ стрѣлковый полкъ, и въ началѣ нынѣшняго царствованія былъ назначенъ флигель-адъютантомъ Его Величества. Въ этомъ званіи онъ участвовалъ, какъ дѣлопроизводитель, въ устроенномъ тогда комитетѣ для изученія вопроса о раскольникахъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ, А. К. Толстой устранился отъ всякой практической дѣятельности; онъ только носилъ до своей смерти придворное званіе егермейстера, но затѣмъ пользовался своимъ временемъ совершенно свободно и проводилъ его болѣею частью за границей... Вотъ все, что мы можемъ привести изъ свѣтской карьеры покойнаго: но какъ ни скудны эти извѣстія, ими можно удовлетвориться, когда дѣло идетъ о жизни *поэта*...

Итакъ, конецъ пятидесятихъ годовъ былъ вмѣстѣ концомъ и тѣхъ слабыхъ отношеній къ „зlobѣ дня“, въ которыхъ А. К. Толстой находился до того времени. Его дальнѣйшее и уже настоящее поприще къ тому времени опредѣлилось впрочемъ ясно: первыя стихотворенія А. К. Толстого, появившіяся въ „Современникѣ“, въ самомъ началѣ пятидесятихъ годовъ, обратили сразу вниманіе на него отличнымъ знаніемъ народнаго быта и его исторической судьбы. Болѣе крупныя его произведенія той эпохи, появившіяся въ „Русской Бесѣдѣ“ и „Русскомъ Вѣстникѣ“, какъ поэма „Іоаннъ Дамаскинъ“ и драма „Донъ-Жуанъ“,—свидѣтельствовали уже о крупномъ талантѣ, обѣщавшемъ еще многое впереди...

Съ начала шестидесятихъ годовъ А. К. Толстой всецѣло посвя-

щаетъ себя служенію литературы, и онъ очень скоро успѣлъ занять въ ней мѣсто, достойное его таланта. Въ 1861 г. Толстой былъ авторомъ историческаго романа „Князь Серебряный“, напечатаннаго въ „Русскомъ Вѣстникѣ“; въ 1866 г.—авторомъ драмы „Смерть Іоанна Грознаго“, напечатанной тогда же въ прежнихъ „Отечественныхъ Запискахъ“ и вскорѣ поставленной на сцену ¹⁾.

Съ 1868 года, когда нашъ журналъ присоединилъ къ своей спеціальной программѣ отдѣлъ литературы, начались и наши личныя сношенія съ А. К. Толстымъ, которыя не прерывались и для журнала, можно сказать, до послѣдняго дня жизни поэта, такъ какъ послѣднее его произведеніе появилось въ „Вѣстникѣ Европы“ мѣсяць тому назадъ, въ одинъ день съ печальнымъ извѣстіемъ объ его кончинѣ. Одинъ простой перечень трудовъ покойнаго въ нашемъ журналѣ покажетъ, какъ много мы обязаны ему въ недавнемъ прошедшемъ и сколько мы потеряли въ будущемъ. Изъ нижепомѣщеннаго письма къ намъ А. К. Толстого видно, что смерть остановила его жизнь среди новыхъ литературныхъ плановъ, осуществленіе которыхъ было бы важнымъ вкладомъ въ литературу и вмѣстѣ новымъ украшеніемъ для нашего журнала.

Вотъ перечень трудовъ А. К. Толстого въ „Вѣстникѣ Европы“:

- 1868 г. — 1) **Былина:** „Надъ свѣтлымъ Днѣпромъ, среди могучихъ бояръ“.. (февр., 425 страница).
 2) **Коринская невѣста**, изъ Гёте (мартъ, 1 стр.).
 3) **Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ.** Трагедія (май, 5 стр.).
 4) **Проектъ постановки на сцену трагедіи:** „Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ“ (дек., 506 стр.).
- 1869 г. — 5) **Пѣсня** о Гаральдѣ и Ярославѣ (апр., 789 стр.).
 6) **Пѣсня** о трехъ нобищахъ (май, 154 стр.).
 7) **Пѣсня** о походѣ Владиміра (сент., 5 стр.).
- 1870 г. — 8) **Царь Борисъ.** Трагедія (мартъ, 196 стр.).
- 1871 г. — 9) **Ругевитъ** (мар. 5 стр.).
 10) **Гакопъ Слѣпой** (мар., 8 стр.).
 11) **Ушкуйникъ** (мар., 9 стр.).
 12) „Въ монастырѣ пустынномъ близъ Кордовы“... (мар., 11 стр.).

¹⁾ По этому поводу мы должны сдѣлать возраженіе неизвѣстному намъ составителю некролога гр. А. К. Толстого, помѣстившему свои воспоминанія о немъ въ „Сиб. Вѣд.“, № 266, за подписью Б., и присланныя имъ изъ Краснаго Рога. Описанныя имъ подробности перваго представленія на сценѣ „Смерти Іоанна Грознаго“ болѣе чѣмъ невѣрны. Смыслъ словъ покойнаго совершенно искаженъ; мы знаемъ отъ весьма уважаемыхъ свидѣтелей, что эти слова не относились къ приведенному г-мъ Б. факту; по редакціи г-на Б., покойный Толстой является съ такимъ характеромъ, какого онъ вовсе не имѣлъ. Мы не имѣемъ права возстановлять искаженное у г-на Б., но мы думаемъ, что было бы лучше не приводить факта вовсе, если нельзя было привести его такъ, какъ то слѣдовало.

- 1871 г. — 13) „То было раннею весною“... (дек., 603 стр.).
 14) **На тягъ** (дек., 604 стр.).
 15) „Удара тяжкаго далекіе раскаты“... (дек., 605 стр.).
 1873 г. — 16) **Эдвардъ**. Шотландская баллада (январь, 257 стр.).
 17) „Про подвигъ слышалъ я Кротонскаго бойца“... (январь, 260 стр.).
 18) „Темнота и туманъ застилають мнѣ путь“ (январь, 261 стр.).
 19) **Кануть**. Легенда (мартъ, 249 стр.).
 20) **Слѣпой**. Былина (май, 158 стр.).
 1874 г. — 21) **Портретъ**. Повѣсть въ стихахъ (сентябрь, 73 стр.).
 1875 г. — 22) „Ты почтѣ, злая кручинушка“... (январь, 157 стр.).
 23) „Прозрачныхъ облаковъ спокойное движенье“... (январь, 158 стр.).
 24) **Драконъ**. Разсказъ въ стихахъ (октябрь, 581 стр.).

Въ январѣ нынѣшняго года, — послѣдняго года своей жизни, — А. К. Толстой напечаталъ въ журналѣ одно изъ поименованныхъ стихотвореній, гдѣ онъ какъ бы съ поэтическимъ предвидѣніемъ изобразилъ обстановку осени, среди которой ему суждено было покончить жизнь, и обратился къ самому себѣ съ послѣднимъ вопросомъ:

..... Намъ тихій свой привѣтъ
 Шлетъ осень мирная. Ни рѣзкихъ очертаній,
 Ни яркихъ красокъ нѣтъ. Землей пережита
 Пора роскошныхъ силъ и мощныхъ трепетаній;
 Стремленья улеглись; иная красота
 Смѣнила прежнюю; ликующаго лѣта
 Лучами сильными ужъ болѣе не согрѣта,
 Природа вся полна послѣдней теплоты;
 Еще вдоль влажныхъ межъ красуются цвѣты,
 А на пустыхъ поляхъ засохшія былинны
 Опутываетъ съѣтъ летучей паутины;
 Кружась медленно въ безвѣтріи лѣсномъ,
 На землю желтый листь спадаетъ за листомъ;
 Невольно я слѣжу за ними взоромъ думнымъ,
 И слышится мнѣ въ ихъ паденіи безшумномъ:
 — Всему насталь покой, прими-жь его и ты,
 Пѣвецъ, державшій стягъ во имя красоты;
 Провѣтръ, усердно ли ея святое сѣмя
 Ты въ борозды бросалъ, покинутыя всѣми,
 По совѣсти-ль тобой задача свершена,
 И жатва дней твоихъ обильна иль скудна?

Намъ кажется, что нельзя не признать вполне справедливымъ утвердительный отвѣтъ на главные вопросы, — въ вышепомѣщенномъ письмѣ, которое Ив. С. Тургеневъ прислалъ намъ, по поводу перваго извѣстія о смерти А. К. Толстого. Наши многолѣтнія личныя сношенія съ покойнымъ могли бы представить также не одно доказательство безусловной справедливости той характеристики его, какъ человѣка, какою даетъ намъ почтенный авторъ письма. Друзья могли быть

всегда увѣренными въ искренности и беззавѣтности дружбы покойнаго; но что еще важнѣе и рѣже: при встрѣчахъ съ противнымъ мнѣніемъ, онъ обнаруживалъ всегда всю свою правдивую и вмѣстѣ незлобивую натуру. Этими качествами обуславливалась его людскость, крайняя довѣрчивость, неизмѣнно веселый и всѣмъ одинаково пріятный нравъ, котораго не могла поколебать даже послѣдняя, продолжительная и подчасъ тяжкая своими припадками болѣзнь.

Теперь еще не время приводить его письма, — прекрасный матеріалъ для будущаго его біографа; — но мы позволимъ себѣ остановиться на одномъ изъ его послѣднихъ писемъ къ намъ, именно потому, что это письмо служитъ комментариемъ къ „Дракону“, помѣщенному въ предыдущей книгѣ журнала, и вмѣстѣ вызываетъ въ насъ воспоминанія о нашемъ послѣднемъ съ нимъ свиданіи лѣтомъ, въ іюнѣ нынѣшняго года, въ Карлсбадѣ.

Въ этотъ день А. К. Толстой былъ такъ веселъ, разговорчивъ, что только медикъ могъ бы отнестись недоувѣрчиво къ состоянію его здоровья. Между прочимъ, рѣчь зашла о „Драконѣ“, лежавшемъ на столѣ въ черновыхъ спискахъ. Чтеніе было отложено до прихода Ив. С. Тургенева, который вскорѣ и явился. До него мы обсуждали вопросъ, хорошо ли называть переводомъ съ несуществующаго итальянскаго подлинника то, что собственно было оригинальнымъ произведеніемъ.

— Пусть Анджело де-Губернатисъ (извѣстный профессоръ итальянской литературы во Флоренціи и нашъ общій знакомый), — засмѣялся весело Толстой: — поломаешь себѣ голову и пороешь въ старыхъ изданіяхъ, отыскивая оригиналъ!

Однако, авторъ все-таки нашелъ болѣе удобнымъ вычеркнуть слово: *переводъ*, и оставилъ одно: *съ итальянскаго*, что въ самомъ дѣлѣ было почти вѣрно: до такой степени поэтъ усвоилъ себѣ Дантовскую манеру.

На слѣдующій день послѣ свиданія, мы уѣхали въ Киссингенъ, а Толстой обѣщаль прислать туда на-дняхъ списокъ, который онъ уже заказалъ одному изъ причетниковъ русской церкви въ Карлсбадѣ... Мы объясняемъ всѣ эти подробности, чтобы сдѣлать болѣе яснымъ содержаніе письма Толстого къ намъ изъ Карлсбада въ Киссингенъ.

19-го іюня ст. ст., рукопись пришла въ Киссингенъ; при свободномъ времени на водахъ, она была тотчасъ же просмотрѣна, и автору послано короткое извѣщеніе о благополучномъ ея прибытіи и нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ, съ обѣщаніемъ писать подробнѣе уже въ Красный Рогъ. Пока было замѣчено то, что рукопись писана не авторомъ, а въ то же время не подписана имъ, такъ что, — приба-

вили мы, — нельзя имѣть увѣренность, что переписчикъ переписалъ до конца, или авторъ могъ забыть на столѣ послѣдній листъ; наконецъ, — говорили мы, — послѣдній стихъ разсказа остается единственнымъ въ новой терцинѣ: какъ съ нимъ поступить — применить ли его къ предыдущей или сдѣлать изъ него новую терцину, 194-ю, — но она будетъ состоять изъ одного только стиха? Наше письмо было отправлено въ тотъ же день; 22 июня, Толстой получилъ письмо и въ тотъ же день отвѣчалъ на него, перемѣшивая по своему обычаю серьезное съ шуткой, безъ которой онъ рѣшительно не могъ жить. Вотъ это письмо, съ небольшими пропусками мѣстъ совершенно личнаго интереса:

„*Carlsbad*, Marienbaderstrasse, Haus „Stadt Wien“.
4 июля (22 июня). Свящ. муч. Евсевія. Мц. Юліанія, Зины.
(Ап. Рим. V, 1—10; Ев. Мат. VI, 22—23). Отъ Р. X.
1875.—Отъ сотвор. міра 7383.—Отъ основанія Рус. госуд.
1013.—Отъ употребленія морфины 1-й.

„Стараюсь, любезный и многоуважаемый М. М., хотя издали уподобиться вамъ аккуратностью (Толстой говоритъ такъ по случаю скорости отвѣта)... Еслибы жившій на рѣкѣ Ловати родъ Богумила, а на рѣкѣ Надѣ родъ Борислава, а на рѣкѣ Волховѣ родъ Гостомысла состояли изъ васъ, то, конечно, не пришлось бы имъ звать варяговъ, а напротивъ, варяги позвали бы ихъ къ себѣ. Сейчасъ получилъ я ваше письмо изъ Киссингена. Дѣйствительно, я забылъ подписать *Дракона*, и прошу васъ сдѣлать это за меня; а если останется еще чернило на перѣ, то взять на себя трудъ измѣнить первый стихъ 30-й строфы слѣдующимъ образомъ:

„Лишь тутъ снялъ шлемъ съ усталой головы я...“

„*Шлемъ* какъ-то проще, чѣмъ *шеломъ*. Что касается до послѣдней строфы, отъ которой есть только первый стихъ, позвольте—faire un petit étalage d'érudition, которую я этой зимой (въ Италіи) приобрѣлъ отъ Michel Angelo Gaetani, duca di Sermonata. Терцинами писали въ Италіи и до Данта, но Данте первый сталъ заканчивать свои главы *четвертымъ* стихомъ, безъ котораго или послѣдняя строфа осталась бы безъ рѣшима, или бы, по сложности и непрерывности *терцинной цѣпи*, никогда нельзя было бы кончить, ибо одна строфа требуетъ непременно другую. Въ изданіяхъ Данта, которыя мнѣ случалось видѣть, этотъ четвертый стихъ (единственный четвертый въ концѣ каждой главы) стоитъ какъ у меня; или же онъ слитъ съ послѣдней строфой, или поставленъ послѣ нея уступомъ, но безъ нумераціи. Ставить точки я считаю неудобнымъ, ибо это предполагало бы неоконченность стихотворенія. Я думаю, лучше выпустить послѣднюю цифру и примкнуть стихъ:

„Обычные тамъ ведшей разговоры“

—къ строфѣ 193-й, сдѣлавъ небольшой уступъ, или, говоря правильно, немного отступя.

„.....Въ Красномъ Рогу я буду черезъ десять дней. Былъ бы и ранѣе, но мы съ Тургеневымъ затѣяли публичное чтеніе въ пользу жителей Моршанска, что совершится въ будущую субботу (какъ извѣстно, это чтеніе имѣло блестящій результатъ).

„Мы, т.-е. я съ женой, предполагаемъ ѣхать въ Парижъ въ концѣ сентября...

Быть можетъ, въ теченіе зимы я предложу вамъ въ „Вѣстн. Европы“ новую работу, а именно: „Охотничьи воспоминанія“, въ прозѣ, которыя я уже началъ набрасывать. Туда войдетъ, сверхъ настоящихъ охотничьихъ приключеній, которыми я очень богатъ, множество анекдотовъ о живыхъ и мертвыхъ, и вообще все, что взбредеть въ голову. Оно, если удастся, можетъ выдти характерно и интересно...

„Крѣпко жму вашу руку и остаюсь искренно вашъ—

А. Толстой.

Доскажемъ до конца исторію рукописи „Дракона“, которой пришлось быть концомъ всей поэтической дѣятельности Толстого. Экземпляръ, посланный въ Киссингенъ, не увидѣлъ печати. Авторъ, возвратившись въ Красный Рогъ, снова пересмотрѣлъ весь текстъ и переработалъ его въ такой степени, что нельзя уже было ограничиться сообщеніемъ однѣхъ перемѣнъ; черезъ мѣсяцъ было получено письмо отъ Толстого съ просьбою истребить карлсбадскую рукопись; взаменъ ея была выслана изъ деревни новая, подписанная авторомъ, но переписанная не имъ,—если не ошибаемся, женскою рукою, быть можетъ, рукою того, теперь осиротѣвшаго, лица, которое съ такой преданностью и съ такимъ самоотверженіемъ окружало больного, можно сказать, материнскими заботами и попеченіемъ, за все продолжительное время его страданій и мучительныхъ припадковъ, возвращавшихся къ нему безпрестанно въ теченіе двухъ-трехъ послѣднихъ лѣтъ; это, конечно, обязанность жены,—но честь исполненія обязанностей принадлежитъ всецѣло лицу и можетъ служить ему единственнымъ утѣшеніемъ въ тяжелую минуту воспоминаній о невозвратной утратѣ...

„Да будетъ нашему поэту, — по древнему выраженію, — земля легка“, какъ навсегда останется легкою и доброю память о немъ среди друзей и почитателей его таланта и его человѣческаго достоинства...

М. С.

18-го октября, 1875.

М. Стасюлевичъ.